

Творчество больших художников, как и деятельность крупных исторических личностей, ученых, не ограничивается временем, отпущенным им судьбой, временем, которое называется человеческой жизнью. Оно — разожжнуто, открыто для настоящего, прошлого и будущего. Когда-то Николай Симонов в фильме сыграл Петра Первого, человека, связавшего собою две совершенно непохожие части отечественной истории. А сам актер воспринял и развил то, что делали несколько поколений актеров до него, и стал предвестником того, чем стали заниматься мастера сцены и экрана в последующие годы. Сейчас мы отмечаем 90-летие со дня рождения этого художника, подобно своему герою связавшего несколько поколений.

Мне сейчас трудно определить точно время, когда Николай Константинович Симонов вошел в мою жизнь. В начале 30-х годов он был уже очень знаменит, а ленинградцы всегда любили и гордились своими талантами. Именно тогда он и стал моим любимым артистом, да так и остался им по сей день.

Вскоре после войны, кажется, в 1947 году, я впервые увидел Симонова близко на вечере у нас в Академии художеств. Мы знали, что для Симонова это необычное событие, ведь он шел в свой дом, шел на встречу со своей юностью.

Именно сюда, на Васильевский остров, в 1919 году с берегов Волги приехал молодой Николай Симонов, чтобы стать художником. Он учился у замечательных мастеров — Бразе, Рылова, Савинова, Петрова-Водкина. Талантливость больших художников проявляется всегда очень широко, и именно в мастерских Академии художеств в молодом художнике Симонове стал рождаться артист Симонов. Уже много позже Николай Константинович рассказывал мне, как был удивлен Аркадий Александрович Рылов, услышав о его желании идти в театр. Отпуская его, он сказал: «Но помни, двери моей мастерской всегда для тебя открыты».

Многое о нем я узнал позже, а тогда, в тот вечер, я с волнением вглядывался в него, любовался удивительной красотой этого человека.

Была какая-то невидимая черта, какая-то скрытая грань, разделявшая Симонова-актера и Симонова-художника. Я никогда вне спектакля не видел в нем артиста, казалось, все созданные им изумительные образы — Петра, Сальери, Протасова, Маттиаса Клаузена — так и оставались где-то за этой гранью, может быть, они продол-

жали свою постоянную, таинственную жизнь там, на сцене, вновь соединяясь с ним только, когда он переступал порог театра.

В конце 50-х годов я очень захотел написать его портрет, но эта мысль, мелькнув, так и осталась бы желанной, если бы

лаю, посмотрите мои работы, пообещаем вместе, а то все я у вас, а вы у меня еще и не были». Я с радостью согласился.

И вот я впервые в доме Николая Константиновича. Квартира его была именно такой, какой она и должна была быть

тов — все его волнует, и всегда он находит в себе душевный отзвук природы. В разное время написаны портреты жены и детей. Работ очень много, в квартире пахнет красками и лаком, стоит мольберт, и я не успел опомниться, как Николай Константинович переоделся.

ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК

«...Но в тишине, но в тайне...»

не случай. Директором Театра драмы имени А. С. Пушкина был назначен мой добрый друг — писатель, литературный критик, редактор Дмитрий Терентьевич Хренков. Вскоре после премьеры «Маленьких трагедий» я сказал ему о своем желании писать Симонова. Он познакомил нас в тот же вечер и оставил меня с актером один на один. Симонов согласился сразу, и мы условились на начало сентября.

И вот солнечным осенним утром он пришел ко мне, огляделся вокруг, обрадовался: «Боже! Какая чудесная у вас мастерская, сколько света! Как хорошо у вас, как хорошо!».

Труден был первый сеанс, я волновался, боялся его утомить, хотел найти интересную позу, а он так просто и естественно сел на красный диван, закурил, глядя куда-то перед собой, потом быстрым движением повернул голову и посмотрел на меня, глаза и губы чуть тронулись какой-то внутренней скрытой улыбкой. «Ну вот портрет и сел, может быть, так и хорошо?».

Как-то однажды, после сеанса, он предложил мне: «А знаете, поедете ко мне, если хотите, покажу вам то, что я де-

у Симонова. Здесь не было привычных в актерских домах памятных реликвий, не было никаких фотографий с дарственными надписями, никаких афиш, ничего от театра. Все только нужное и необходимое для дома, для его чудесной, доброй семьи. Гостиная красива оттого, что в ней можно читать книги, думать, работать, и все стены увешаны картинами Николая Константиновича. В основном — это мир Пушкина, самого любимого. Здесь и Борис Годунов, и Моцарт, и Сальери, и много других мотивов, навеянных Пушкиным.

Конечно, большинство тем симоновских вещей — то, к чему причастно его искусство актера. Все это так. Мне ясно, что такая глубочайшая погруженность в драматургический материал всегда искала у художника Симонова пластический и цветовой эквивалент. Но одновременно он много работает над портретами и даже делает стенную роспись. Он не может видеть гладкую поверхность печки, и она расписывается различными сюжетами по всему объему. Он любит пейзажи: деревенские задумчивые избы, проселочные дороги, речки и мостки, букеты цве-

Он вышел в старых вельветовых брюках и фуфайке, на них следы красок, в них он чувствует себя лучше и спокойнее, он дома, среди своих картин, красок.

Потом мы уже встречались гораздо чаще, и беседы наши стали не только о живописи, но и о театре, о великих актерах прошлого, об их умении прекрасно чувствовать жанр и возможности таланта, как говорили в старину, своего амплуа. Говоря на эту тему, Николай Константинович вспоминал своих товарищей, это были актеры знаменитые и неизвестные, но Симонов относился ко всем с равным уважением и любовью. Такова уж была его сущность. Наверное, он мучительно молчал о том, что претило ему в людях, и о том, что он не принимал в искусстве.

Я знаю многих актеров, и очень хороших, которые могут часами говорить о своих героях, и это, наверное, естественно. Но Симонов был великий молчаливец. «...Но в тишине, но в тайне...» рождался образы и его героев, и если проявлялась какая-то другая жизнь, то только тогда, когда

Николай Константинович брал в руки кисть и палитру.

Каждое лето, если не было съемок, уезжал Николай Константинович к себе на дачу, в Отрадное, на Карельский перешеек. И писал там этюды. Дом невелик, и в нем не было специального помещения под мастерскую. И вот однажды его родные — жена Анна Григорьевна и дочь Катя решили сделать Николаю Константиновичу подарок — пристроить небольшую веранду и оборудовать ее под мастерскую. А вот как сделать, чтобы все это осталось тайной? Трудно пришлось Анне Григорьевне. Если бы Симонов был более земным человеком, то, конечно же, что-то понял бы из-за странных для него переговоров жены по телефону. А Николай Константинович все же прислушивался и спрашивал: «А зачем шифер, доски, к чему это?». Анна Григорьевна отвечала с хозяйственным резонансом: «Крыша течет», и этого хватало. Николай Константинович сокрушался и принимал все как должное.

Но вот наконец дело сделано. Готовится к поездке в Отрадное Николай Константинович, собирает краски, кисти, все необходимое для работы. Очевидно, хранить тайну в семье не просто, все волновалось, и Николаю Константиновичу тоже передалось это волнение. Видя это, Анна Григорьевна сказала ему:

— А тебя ждет сюрприз.

— Какой сюрприз?

— А это уже когда приедем.

Когда приехали, Симонов ничего не заметил. Вошли в дом, и тут Анна Григорьевна открыла дверь во вновь отстроенную веранду и, пропуская мужа, сказала:

— А вот это тебе, для твоей работы.

Все здесь было новое. Чистойой сверкали стекла веранды, стоял диван, и было море света.

— Как, это мне? Боже мой, как хорошо, неужели это мне?

— Вот ключ, теперь у тебя есть мастерская для работы.

Я знаю, как любил Николай Константинович свою семью, как он ценил все теплое, доброе, царившее в доме, и я могу только представить себе его лицо, глаза и всю взволнованную радость его души.

И только когда прошли первые восторги, Николай Константинович сказал: «А я все думал, что же за сюрприз вы мне приготовили? Так я решил, что вы мне пирог испекли».

И потом, совсем застенчиво попросил:

— Только уж пускай здесь никто не ночует...

Алексей СОКОЛОВ.

● Н. Симонов у мольберта.
● «ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЮИТА». Фрагмент картины Н. Симонова.